

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья
УДК 316
DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-6-20

РОЛЬ РЕСУРСА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЁЖИ ЮГА РОССИИ

Константин Викторович Воденко^{1✉}, Ольга Сергеевна Иванченко²,
Мария Петровна Тихоновскова³, Олеся Евгеньевна Лабадзе⁴

^{1, 2, 3, 4}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹vodenkok@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID РИНЦ: 289484,
WoS Research ID: L-4112-2016, Scopus AuthorID: 56669747300

²olga.ivanchenko1509@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0173-1804, AuthorID РИНЦ: 698786
³tikhonovskova.maria@yandex.ru, ORCID: 000-0001-8616-5532, AuthorID РИНЦ: 1096051
⁴efimowa.olesya@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8584-3477, AuthorID РИНЦ: 778690

Аннотация. *Цель работы* — определить роль и значение исторической памяти в формировании национальной идентичности молодежи полиэтничного региона. *Рабочей гипотезой* данного исследования выступает предположение о том, что историческая память является инструментом консолидации, потенциал которой малоэффективно используется в формировании национальной идентичности молодежи полиэтничного региона в рамках реализуемой государственной политики.

Методология исследования. В статье представлены результаты социологического опроса, проведенного в феврале 2021 г. в Южном федеральном округе среди молодежи в возрасте 15–35 лет.

Результаты исследования. Исследование выявило, что историческая память как основа конструирования национальной идентичности не имеет эмоциональных маркеров в сознании молодежи и формируется политической повесткой, что снижает консолидирующий потенциал исторической памяти в формировании национальной идентичности. Отмечается несформированность интеграторов национальной идентичности, которые имеют четкую дифференциацию по двум критериям: «общая государственность» (формальное значение) и «историческое прошлое» (культурно-ценностное основание). Результаты опроса свидетельствуют о возрастной дифференциации установок в дихотомии «консолидация-дезинтеграция» молодого поколения.

Перспективы исследования. Исследование подчеркивает необходимость выработки исторической политики государства в рамках реализуемой культурной и образовательной политики.

Ключевые слова: культурная безопасность, историческая память, историческая политика государства, гражданская идентичность, полиэтничный регион, молодежь, консолидация

Для цитирования: Воденко К. В., Иванченко О. С., Тихоновскова М. П., Лабадзе О. Е. Роль ресурса исторической памяти в формировании гражданской идентичности и обеспечении культурной безопасности молодёжи Юга России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, №5. С. 6–20. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-6-20>.

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

Original article

THE ROLE OF THE HISTORICAL MEMORY RESOURCE IN THE FORMATION OF CIVIC IDENTITY AND ENSURING THE CULTURAL SECURITY OF THE YOUTH OF THE SOUTH OF RUSSIA

*Konstantin Viktorovich Vodenko¹✉, Olga Sergeevna Ivanchenko²,
Maria Petrovna Tikhonovskova³, Olesya Evgenievna Labadze⁴*

^{1, 2, 3, 4}*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

¹*vodennok@mail.ru*✉, ORCID: 0000-0002-5283-0466, AuthorID RSCI: 289484,

WoS Research ID: L-4112-2016, Scopus AuthorID: 56669747300

²*olga.ivanchenko1509@mail.ru*, ORCID: 0000-0002-0173-1804, AuthorID RSCI: 698786

³*tikhonovskova.maria@yandex.ru*, ORCID: 000-0001-8616-5532, AuthorID RSCI: 1096051

⁴*efimowa.olesya@yandex.ru*, ORCID: 0000-0001-8584-3477, AuthorID RSCI: 778690

Abstract. The purpose of the study. The goal of the work is to determine the role and importance of historical memory in the formation of the national identity of the youth of the polyethnic region. The working hypothesis of this study suggests that historical memory acts as a consolidation tool, the potential of which is ineffectively used in the formation of the national identity of the youth of the polyethnic region in the framework of the state policy implemented.

The methodological basis. The article presents the results of a sociological survey conducted by February 2021 in the Southern Federal District among young people aged 15–35 years.

Research result. The study revealed that historical memory as a basis for the design of national identity does not have emotional markers in the consciousness of young people and is formed by the political agenda, which reduces the consolidation potential of historical memory in the formation of national identity. There is a non-deformation of the integrators of national identity, which have a clear differentiation on the two criteria of «general statehood» (formal importance) and «historical past» (cultural and value basis). The survey results indicate age differentiation of installations in the dichotomy «Consolidation-Disintegration» of the younger generation.

The prospect of the study. The study emphasizes the need to develop historical policies of the state, within the framework of the cultural and educational policy implemented.

Keywords: cultural security, historical memory, historical policy of the state, civil identity, polyethnic region, youth, consolidation

For citation: Vodenko K. V., Ivanchenko O. S., Tikhonovskova M. P., Labadze O. E. The role of the historical memory resource in the formation of civic identity and ensuring the cultural secu-

ity of the youth of the South of Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2021; 14(5): 6–20. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-6-20>.

Acknowledgments: *The article was prepared within the framework of grant by the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists — Doctors of Sciences (MD-1493.2020.6) on the topic «The Resource of Historical Memory in the System of Institutional Parameters of Social-Investment Development and Ensuring the Cultural Security of the Region».*

Введение. В условиях новых вызовов, связанных с угрозами геополитического, экономического и социокультурного характера, перед российским обществом остро стоит вопрос обеспечения культурной безопасности общества и прежде всего молодежи. Одним из направлений в решении данной задачи является формирование гражданской идентичности среди молодежи, способной консолидировать полиэтнический российский социум и мобилизовать усилия общества для предотвращения деструктивных процессов и выхода страны из глубокого социально-экономического и духовно-нравственного кризисов. Преодоление этих кризисов необходимо для дальнейшего развития общества, причем решение социально-экономических проблем тесно связано с духовно-нравственным состоянием молодежи. Суть духовно-нравственного кризиса проявляется в «утрате российским населением общественных идеалов и ценностей, которые обеспечивают видение целей общественного развития и будущего общества в целом» [7, с. 8]. В такой ситуации остро стоит вопрос о формировании гражданской идентичности и мерах обеспечения культурной безопасности общества как важной составляющей национальной безопасности страны.

В научной литературе не сложилось единого подхода в понимании культурной безопасности. Зарубежные авторы определяют культурную безопасность как «способность общества сохранить специфические характеристики, несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: это включает постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что долж-

но быть исключено» [30, с. 47]. В этом плане культурная безопасность направлена на сохранение культурной самобытности народов, на защиту от тенденции унификации культур.

В российском научном дискурсе сложилось несколько подходов, расставляющих свои акценты в определении понятия «культурная безопасность». Политико-правовой подход рассматривает культурную безопасность как «состояние защищенности личности, общества и государства и его территорий от внешних и внутренних угроз в вопросах культурного развития» [23, с. 184] и составной элемент системы национальной безопасности. С точки зрения культурологического подхода культурная безопасность отражает исключительно «социокультурные возможности общества, направленные на преодоление всех видов опасности (риски, угрозы, вызовы) и создание благоприятных условий для культурной жизни общества» [18, с. 216], т.е. культурная безопасность распространяется только на область культуры, ее духовно-нравственную составляющую и художественное творчество. В фокусе социологического подхода культурная безопасность охватывает не только культурную сферу, но и все пространство социальных взаимодействий, что обеспечивает нормальное взаимодействие всех социальных институтов [24]. Наиболее конструктивным в ракурсе данного исследования для понимания специфики культурной безопасности следует назвать комплексно-философский подход, в рамках которого культурная безопасность — это не только совокупность мер, направленных на минимизацию рисков и угроз в сфере культуры, но и система внутренней саморегуляции и стабилизации общества, ориентированная на развитие культурного самосо-

знания государства и сохранение культурной идентичности народа. То есть культурная безопасность есть одновременно и защита культуры от угроз, и условие для ее гармоничного развития.

Состояние социокультурной ситуации в российском обществе оценивается как кризисное, что актуализирует вопрос о формировании гражданской идентичности и мерах обеспечения культурной безопасности общества как важной составляющей национальной безопасности страны, поэтому обеспечение культурной безопасности выступает важнейшей задачей государственного управления, связанной с защитой культурного кода нации. Последнее возможно только на основе сохранения исторической памяти народа, в которой сконцентрированы все его знания, представления и эмоции о социально значимых исторических событиях, объединяющих людей в конкретную социокультурную общность. Понимание этого заставляет обратить внимание на ресурс исторической памяти в формировании гражданской идентичности и управлении культурной безопасностью российского общества.

Серьезные риски культурной безопасности государства представляют радикальные религиозные идеи, распространяющиеся геополитическими акторами с целью дестабилизации ситуации в поликультурных регионах страны. Наиболее уязвимым регионом выступает Юг России, который в силу своей поликонфессиональности и полиэтничности носит потенциально конфликтный характер. Исторически Юг России является средоточием и смешением самых различных этнических, национальных, цивилизационных моделей социального развития. В связи с этим регион представляет собой сложный узел проблем, обусловленных этническими и конфессиональными противоречиями. Очевидно, что риски культурной безопасности региона обусловлены не только деятельностью геополитических акторов, но и такими факторами, как социокультурная и социально-экономическая неоднородность российского Юга, поэтому обращение к ресурсам исторической памяти может способствовать возрождению национального единства российского полиэтничного социума. Аккумулируя в себе знания, идеи, верования, ис-

торическая память формирует культурные архетипы народа, которые определяют специфику его мировоззрения и ментальности. В этом плане «историческая память образует ядро этнической, культурной и гражданской самоидентификации людей, оказывающей существенное влияние на регуляцию индивидуального и массового поведения» [5, с. 47]. Исследователи правомерно обращают внимание, что «обеспечение единства и согласия в социуме определено самой нашей общей историей, отшлифовано веками, стало всенародной традицией, важнейшей ценностью нашего бытия и императивом времени» [9, с. 155]. Исторический экскурс дает основания утверждать, что Россию спасала сплоченность людей, которая перед лицом общей угрозы позволяла преодолеть сословно-классовые и этно-религиозные различия, отстаивать свою независимость и обеспечить дальнейшее развитие страны. Важнейшим фактором сохранения целостности российского государства являлось народное единство, которое в полной мере продемонстрировало свою мощь в 1612 г., 1812 г., 1941–1945 гг.

Методологическая и эмпирическая база исследования. Отдельные аспекты исторической памяти уже были предметом научных исследований. В научной литературе получили освещение проблемы теоретического формирования исторической памяти в современном российском обществе [5; 10; 12], вопросы, связанные с изучением роли исторической памяти в формировании коллективной идентичности [3; 13; 19; 27], ее потенциал в сохранении культурных традиций народов и обеспечении преемственности исторического опыта поколений [25], возможности политики памяти в конструировании социальной реальности [17]. Отдельные аспекты политического управления исторической памятью рассматривались в контексте проблем культурной и исторической политики государства [1; 2; 6; 14; 15]. Особое внимание в научном дискурсе уделяется роли исторической памяти в формировании гражданской идентичности и патриотизма [8; 30], анализу состояния исторического сознания молодежи [11], проблемам безопасности в полиэтничном социуме [16; 20; 21]. Несмотря на то, что в современном научном

знании проблеме исторической памяти уделяется достаточное внимание, в социальном знании отсутствует комплексный подход, позволяющий выявить ресурс исторической памяти в формировании гражданской идентичности и обеспечении культурной безопасности молодежи полиэтнического региона.

Методологической основой данного исследования является конструктивистский подход, позволяющий рассматривать историческую память как социальную конструкцию, формирующую коллективные представления о прошлом и воспроизводящую преемственность социальной жизни. С позиции данного подхода историческая память есть совокупность образов прошлого, определяющая мировосприятие людей и их понимание вектора развития общества. В этом аспекте историческая память выступает модератором общественного сознания. Подобные возможности исторической памяти выводят на изучение проблемы управления ею.

Применение деятельностного подхода позволяет рассматривать управление исторической памятью как организацию деятельности, направленную на консолидацию социума посредством формирования у индивидов представлений об общем прошлом. Это дает основание заключить, что консолидация общества представляет не стихийный, а вполне управляемый процесс.

Одной из разновидностей коллективной идентичности выступает гражданская идентичность, для исследования которой наиболее концептуальным представляется конструктивистско-инструменталистский подход. В рамках последнего национальная идентичность позиционируется как способ социального конструирования «воображаемых» политических общностей, в основе которого следующие компоненты: когнитивный (знания о культурно-исторической специфике нации), аффективный (эмоциональное отношение к своей культурно-политической общности), поведенческий (принятие и соблюдение моральных и правовых норм данного общества).

Эмпирическую базу исследования составило авторское социологическое исследова-

ние, проведенное на территории Южного федерального округа, который является не только культурно неоднородным регионом, но обладает ключевым стратегическим и геополитическим значением для национальной безопасности государства. Полиэтнический характер южного региона и присутствие трагических сюжетов в истории ряда народов, населяющих регион, делают его потенциально конфликтогенным [29]. Поликультурность, отражаясь в различных ценностных системах, оказывает серьезное влияние на модели социального поведения, как в повседневных практиках, так и в политических ориентациях молодежи. В такой ситуации становление общероссийской идентичности, опирающейся на общие для всего населения страны гражданские ценности, представляется весьма затруднительным.

Опрос проводился во всех субъектах Южного федерального округа методом анкетирования по квотно-стратифицированной выборке в 1100 респондентов при доверительном интервале 95% и предельной ошибке в выборке (Δ) $\geq 3\%$. Квотный признак (1) — административно-территориальные субъекты Южного федерального округа; (2) признак — возраст — в соответствии с данными официальной статистики объект исследования (молодежь ЮФО) была разбита на возрастные когорты: 15–19 лет, 20–24 года, 25–29 лет, 30–35 лет. Для контроля надежности данных и предупреждения смещения выборки нами был введен дополнительный квотный признак — пол. На основании данных официальной статистики были сформированы данные о численности каждой страты в генеральной совокупности¹. Численность респондентов в каждой страте рассчитывалась путем определения доли, которую составляет общий объем выборки в объеме генеральной совокупности.

Ресурс исторической памяти в формировании гражданской идентичности молодежи Юга России. Результаты опроса показали, что понятие «историческая память» дифференцировано для респондентов по возрастным когортам. Так, для возрастной

¹ Федеральная служба государственной статистики (Численность и состав населения (витрины)) [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

когорты 30–35 лет доминирует суждение, что «историческая память — это предмет борьбы политических сил» (37,6%), в то время как для возрастной когорты 15–19 лет «историческая память — это основа духовной и культурная преемственность поколений» (31,2%) (табл. 1). Интерпретация понятия «историческая память» в понимании молодежи (общее по массиву) имеет нейтральное, эмоционально немаркеруемое значение и трактуется как символическая точка соединения прошлого, настоящего и будущего. Трактовка «исторической памяти» в возрастной группе 30–35 лет имеет эмоциональную окраску и определяется как предмет борьбы политических сил. Такая интерпретация является следствием непоследовательности российской власти в отношении политики памяти и ее применения в рамках долгосрочных социокультурных проектов.

Как отмечает О.Ю. Малинова, сегодня «коллективное прошлое, скорее, является

объектом ситуативного “использования”, нежели предметом целенаправленного “конструирования”, очевидно, что политики, выступающие от имени российского государства, предпочитают не касаться “трудного прошлого” и стремятся, насколько это возможно, избегать определенности в оценках исторических событий, процессов и фигур, которые вызывают горячие споры в обществе» [17, с. 198]. В особенности это справедливо в отношении оценок таких трагических событий советской истории, как массовые репрессии, этнические депортации, неподготовленность страны к войне и т.п. Если избегать объективных оценок прошлого, то можно попасть в «ловушку актуальности», когда репрезентируются только те события истории, которые отвечают потребностям настоящего политического момента. Именно поэтому В. А. Ачкасов акцентирует внимание на том, что «государственные интересы, артикулируемые политической элитой, порой

Таблица 1
Table 1

Интерпретация понятия «историческая память» в понимании молодежи, по возрастным когортам, %
Interpretation of the concept of «historical memory» in the understanding of youth, by age cohorts, %

Суждение	Возрастные когорты				
	15–19	20–24	25–29	30–35	Всего по массиву
Историческая память — одна из важнейших ценностей общества	19,1	19,8	28	33	69,6
Историческая память — это основа духовной и культурной преемственности поколений	31,2	18,5	24	14,8	65,9
Историческая память предостерегает нас от ошибок	19,4	18,2	24,8	36,4	56,5
Историческая память способна вселять в народ уверенность в победе мира	19,1	19,6	24	37	57,5
Историческая память — символическая точка, в которой соединяются прошлое, настоящее и будущее	20	20,7	24,9	34,4	72,6
Историческая память — это средство манипулирования в политической повестке	23,8	24,6	34,2	17,4	41
Историческая память — предмет борьбы политических сил	21,1	32,2	21,9	37,6	31,3
Историческая память — это мыльный пузырь	28	29,9	24,3	17,8	10,8

меняются с точностью до наоборот, и историкам, ориентирующимся на власть, постоянно приходится колебаться вместе с “генеральной линией”. Поэтому жизненно необходимо сформировать и институализировать среду, в которой бы допускались сомнения, дискуссии по спорным вопросам общей истории и конкурирующие интерпретации исторических событий и фактов» [4, с. 190]. Вместе с тем формирование дискуссионной среды вокруг исторического наследия страны должно сопровождаться созданием условий для реализации просветительских молодежных программ по мемориализации событий, значимых для развития гражданской культуры. Историческая память народов представляет собой открытую социокультурную реальность, включающую в себя способную к обновлению, пересмотру систему символов, которые зачастую проводятся преимущественно в интересах тех или иных политических групп. Более того, в разных регионах мира наметилась общая тенденция усиления государственного контроля над политикой памяти, связанная с закреплением политически «правильных» трактовок исторического прошлого на законодательном уровне.

Российская Федерация как страна регионов, каждый из которых обладает своей культурной спецификой, имеет собственное прошлое и настоящее. Причем зачастую сами

регионы не обладают культурной однородностью, а напротив, отличаются культурной мозаичностью, обусловленной многообразием этнических общностей, проживающих в них. Такая ситуация несет в себе угрозы национальной безопасности страны, связанные с рисками сепаратизма и утраты целостности государства. В памяти многих народов Юга России хранятся исторические травмы, которые транслируются из поколения в поколение. Это касается и депортации в годы Великой Отечественной войны, и территориальных претензий народов друг к другу, а также сложных межэтнических отношений постсоветского периода. Такие негативные моменты переживания собственного исторического пути существенно усложняют реализацию официальной политики памяти, создавая предпосылки для замалчивания целого ряда событий травматического свойства, имевшего место в недавнем прошлом. В этой связи важно определить интеграторы гражданской идентичности в контексте того, что больше объединяет молодежь с гражданами страны и с регионом проживания по таким критериям, как «общая государственность» и «историческое прошлое» [22, с. 189].

Из таблицы 2 видно, что ключевыми субъективными интеграторами с гражданами всей страны являются общая территория, символы и язык, с регионом проживания —

Таблица 2
Table 2

Интеграторы гражданской идентичности, %
Integrators of civic identity, %

Интегратор	С гражданами всей страны	С регионом проживания
Общая территория	78,9	65,3
Историческое прошлое	61,2	75,2
Культура, традиции, обычаи	52,3	66,1
Общие символы (флаг, герб)	74,1	52,3
Язык	79,9	56,7
Религия	41,2	63,4
Ответственность за судьбу страны	23,6	36,3
Родственные, дружеские связи	20,1	45,2
Менталитет	48,5	49,4
Уклад жизни	32,2	55,2
Черты характера	36,4	60,8

в первую очередь культурные характеристики и историческая память, историческое прошлое, культура, традиции, уклад жизни, религия. Следует подчеркнуть, что у субъектов Южного федерального округа с ярко выраженным этнокультурным компонентом (Республика Калмыкия, Республика Адыгея, Астраханская область) превалирует критерий исторического прошлого и этническая идентичность с ключевыми интеграторами — культуры, традиций, обычаев, родственных и дружеских связей, уклада жизни и черт характера.

Солидаризируясь с мнением исследователей, отметим, что «проявления подобной региональной идентичности и крайних форм “местечкового” патриотизма маргинальны, но потенциал для усиления, особенно в условиях обострения социально-экономической ситуации и межэтнических отношений, безусловно, существует» [20, с. 113].

Следует подчеркнуть, что не только полиэтничный характер южно-российского региона является фактором, затрудняющим процесс формирования гражданской идентичности у молодежи региона, но и его социально-экономическое состояние. Во многих районах Юга России сложился целый комплекс проблем, связанных с экономическим неблагополучием, безработицей, глубоким социальным неравенством, отсутствием перспектив и духовной дезориентации молодежи. Молодежь ряда субъектов Южного

федерального округа отметила, что регион ассоциируется у них с социально-экономическими условиями (безработица, низкий уровень оплаты труда и т.д.) и социальным неравенством (Республика Калмыкия — 57,3% и 51,2% соответственно, Астраханская область — 55,4% и 49,5% соответственно), многонациональным составом (Краснодарский край — 49,6%), конфликтностью (Ростовская область — 48,7%).

Очевидно, что в условиях идеологического вакуума и актуализации традиционных форм идентичности молодежь часто становится объектом вербовки террористических организаций. Являясь в социальном и мировоззренческом плане наиболее уязвимой демографической группой, молодежь нередко попадает под влияние радикальных религиозных идей, активно распространяемых в информационном пространстве. Это актуализирует проблему обеспечения культурной безопасности молодежи, которая представляет собой важнейший социальный ресурс развития региона, поскольку является основным субъектом общественных преобразований. Результаты опроса показали, что основным источником получения исторических знаний у молодежи являются интернет-ресурсы (36,7%) и кинофильмы по исторической тематике (20,1%), тогда как учебники и научные труды занимают лишь четвертую ранговую позицию (18,0%) (табл. 3). Полученные данные коррелируют с общероссийскими

Таблица 3
Table 3

Источники получения информации по истории России молодежью, %
Sources of information on the history of Russia by young people, %

Источник	%
Интернет-ресурсы, посвящённые исторической тематике	36,7
Кинофильмы по исторической тематике	20,1
Телепередачи по исторической тематике	18,4
Учебная литература (учебники, монографии, научные труды)	18
Журналы и газеты по исторической тематике	15,1
Мемуары, художественная литература	11,5
Музеи и экскурсии	10,3
Рассказы людей старшего поколения	3,5
Семейные архивы	2,9

данными, где основным источником получения исторической информации выступают исторические документальные и художественные фильмы (40% и 44% соответственно), интернет-ресурсы используют 26% респондентов, а научную и учебную литературу — 19% и 21% соответственно [11].

Сложившаяся ситуация несет в себе потенциальный риск искажения исторического прошлого и утрату критериев идентификации личности с обществом и социальными институтами. В условиях современного геополитического противоборства вопрос о сохранении и трансляции исторической памяти является вопросом культурной безопасности общества. Новые информационные технологии открывают широкие возможности для конструирования социальной реальности посредством создания того или иного «образа» истории. В этом плане борьба за общественное сознание сегодня сопровождается «войнами памяти», то есть столкновением различных интерпретаций прошлого, апеллирующих к разным идеологическим позициям.

При анализе установок молодежи в дихотомии «консолидация-дезинтеграция» видно, что среди молодежи доминируют не те, кто выбирает крайние позиции («безусловно согласен»), а те, кто выбирает промежуточные позиции («скорее согласен»), что свидетельствует о транзитном состоянии формирования

гражданской идентичности среди молодежи полиэтнического социума (табл. 4).

Анализ пропорций показал, что внутри социально-демографической группы молодежи сформировалась внутренняя дифференциация по возрастным критериям по соотношению установок интеграции/дезинтеграции. Так, на крайних полюсах логически оказались младшая возрастная (15–19 лет) и старшая возрастная когорты (30–35 лет). Молодежь в возрасте 15–19 лет в большей степени ориентирована на дезинтеграцию, обособленную индивидуализацию. Молодые люди в возрасте 30–35 лет более ориентированы на консолидацию и единение. Объяснение данного феномена заключается в том, что совокупность установок личности определяется личным социальным опытом, знаниями, ценностными ориентациями, которые формируют субъективную оценку происходящих событий общественной жизни. Степень признания или отвержения индивидом нововведений в общественной жизни зависит от жизненного опыта и духовно-нравственных ориентиров, которые составляют жизненное ценностное ядро конкретной личности. Поэтому процесс управления исторической памятью как инструмента консолидации общества и основы формирования национальной идентичности должен стать стратегической задачей культурной политики государства,

Таблица 4
 Table 4

Распространенность установок среди молодежи на консолидацию и дезинтеграцию, %
Prevalence of attitudes among young people towards consolidation and disintegration, %

Установки	Степень согласия	Возрастные когорты				
		15–19	20–24	25–29	30–35	Всего по массиву
Установка на консолидацию: «В единении — сила!»	Безусловно согласен	11	15	17	23	19
	Скорее согласен	25	29	33	39	25
	Всего (1)	36	44	50	62	44
Установка на дезинтеграцию: «Главное — ладить самим с собой»	Безусловно согласен	15	19	18	21	18
	Скорее согласен	27	29	35	33	26
	Всего (2)	42	48	53	54	44
Соотношение установок	(1):(2)	0,8	0,9	0,9	1,14	1

поскольку без принятия своего прошлого, осмысления происходивших социально-экономических, политических и духовных процессов в жизни страны невозможно понять нынешнюю социальную реальность и извлечь уроки истории. Кроме того, политика памяти должна быть ориентирована, прежде всего, как показало проведенное социологическое исследование, на молодежь 15–19 лет. Молодежь данной возрастной когорты — это учащиеся (ученики школ, колледжей и младших курсов высших учебных заведений). Именно институт образования должен стать опорой в формировании исторического сознания, правильных духовно-нравственных ориентиров, обеспечить преемственность поколений исторической памяти. Мировоззренческие ориентиры молодежи должны опираться на гражданскую идентичность, ценностный и эмоциональный компоненты которой определяют отношение к государству, к народам, населяющим его и связанным общей историей и судьбой.

Выводы по результатам исследования. Сегодня, к сожалению, в российском обществе не сложилась единой модели понимания прошлого, идет процесс активной вестернизации культурных ценностей, налицо разрыв духовной связи между старшим и молодым поколениями, наблюдается отсутствие интереса к истории не только государства, но и своей «малой родины», низкий уровень гражданской культуры. Такая ситуация свидетельствует о духовном неблагополучии общества, что остро ставит вопрос о необходимости обеспечения его культурной безопасности. Очевидно, что основным объектом культурной политики российского государства должна стать молодежь, которая представляет собой социально активную часть населения России и выступает ключевым ресурсом инновационного развития общества. Именно молодежь создает образ будущего страны, который определяет тенденции развития страны. Поэтому одной из приоритетных задач государственного управления должно стать формирование гражданской идентичности и патриотизма российской молодежи.

Формирование гражданской идентичности в поликультурном регионе имеет свои

особенности и сложности, которые обусловлены как социокультурными и экономическими факторами, так и историческими травмами отдельных народов региона, имевшими место в недавнем прошлом. Следовательно, историческое прошлое молодое поколение в большей мере связывает с регионом проживания, а не с гражданами всей страны. Поиск интеграторов гражданской идентичности делится по двум критериям: критерий «общей государственности» (территория, символы, язык), имеющий формальное значение, и критерий «исторического прошлого», связанный исключительно с регионом проживания (культура, традиции, обычаи, родственные связи, уклад жизни) и имеющий более глубокое культурно-ценностное основание.

Интерпретация понятия «историческая память» не имеет эмоциональных маркеров и определяется политической повесткой, что снижает консолидирующий потенциал исторической памяти в формировании гражданской идентичности молодежи региона.

Внутренняя возрастная дифференциация молодежи относительно установок на консолидацию и дезинтеграцию свидетельствует о кризисном состоянии российского общества. Молодежь находится в транзитном состоянии, причина которого заключается в утрате чувства исторической перспективы, разрушении национального консенсуса, конфликте преемственности поколений, ослаблении влияния и авторитета социальных институтов. В такой ситуации остро стоит вопрос поиска общего ценностного основания, способного объединить не только молодежь, но и население страны, а также обеспечить согласие в обществе по ключевым вопросам его прошлого, настоящего и будущего. Эффективное управление процессом сохранения, трансляции и актуализации исторической памяти является одной из важнейших задач политики государства (культурной и образовательной). Историческая политика представляет собой технологию управления коллективной памятью. Внимание к прошлому и выстраивание устойчивых исторических ориентиров для своих граждан является частью любой государственной политики. В то же время важно не допускать политических манипуляций в отношении исторической памяти посредством создания исключитель-

но «удобного прошлого», забвения трагических и бесславных событий совместной истории, стремясь тем самым уйти от ответственности за них.

Список источников

1. Абрадова Е. С. Политика памяти как инструмент сохранения ценностей в процессе формирования новой национальной идентичности // Гуманитарный научный вестник. 2021. №2. С. 100–105.
2. Алексеева И. Ю. Управление исторической памятью как трансдисциплинарная проблема // Философия науки и техники. 2019. Т. 24. №2. С. 82–95.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Ачкасов В. А. Роль «исторической политики» в формировании российской идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. №2. С. 181–192.
5. Бойков В. Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования // Социология власти. 2011. №5. С. 44–52.
6. Бушуев В. В. Историческая политика современных государств: проблема определения и методология исследования // Социально-гуманитарные знания. 2012. №3. С. 285–302.
7. Волков Ю. Г., Дакоро М. А., Сагалаева Е. С., Таланова К. С. Духовно-нравственный кризис в России: статические характеристики // Социально-гуманитарные знания. 2014. №12. С. 34–45.
8. Воробьева Н. В. Формирование гражданской ответственности как общекультурной компетенции в преподавании Истории // Инновационное образование и экономика. 2015. №19. С. 12–21.
9. Гасанов Н. Н. Консолидация общества — императив времени // Социально-гуманитарные знания. 2016. №4. С. 153–168.
10. Горин И. Н. Культурно-исторические символы и историческая память // Историко-педагогические чтения. 2007. №11. С. 114–117.
11. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь в России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: монография. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
12. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №6 (361). История. Вып. 63. С. 132–137.
13. Дюркгейм Э. Социология: ее метод предмет, предназначение. Работы разных лет. М.: Канон, 1995. 352 с.
14. Карпова Г. Г. Государственное управление и общественные приоритеты в сфере культурной политики России // Журнал исследований социальной политики. 2009. №7(1). С. 7–20.
15. Крамаренко М. Б. Историческая политика как инструмент внешнего воздействия на идентичность // Постсоветские исследования. 2021. №4 (1). С. 33–42.
16. Лубский А. В. Проекты конструирования национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2018. №7 (1). С. 48–64.
17. Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2012. №8 (4). С. 179–204.
18. Маршак А. Л. Художественная жизнь современной России как сфера культурной безопасности современной России: социокультурный подход // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2007. Вып. 11. С. 211–223.
19. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. №40-41 (2-3). С. 66–75.
20. Патриотическое воспитание молодежи Ростовской области: проблемы, перспективы и новые подходы: коллективная монография / Отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону: Изд-во МарТ, 2013. 159 с.
21. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / отв. ред. В. А. Тишков. М.: Наука, 2011. 461 с.
22. Российское общество и вызовы времени. Кн. 1 / М. К. Горшков и др.; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова; Институт социологии РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2015. 336 с.

23. Сазонникова Е. В. Культурная безопасность как вопрос правовой политики: понятие и содержание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №5 (11). С. 184–187.

24. Сергеев В. В. Формирование культурной безопасности в условиях модернизации российского общества. М.: НИЦ «Академика», 2010. 435 с.

25. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. №2. С. 3–14.

26. Флиер А. Я. Культурная политика и идеология // Культура культуры. 2018. №4(20). С. 3–7.

27. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3 (40/41). С. 8–27.

28. Хьюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: Канон+, 2001. 396 с.

29. Шевченко О. М., Вагина В. О. Гражданский патриотизм как идея консолидации молодежи на Юге России: специфика и трудности формирования // Гуманитарий Юга России. 2017. №6 (3). С. 300–309.

30. Forrest S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Proceedings of the Third Northern Research Forum. Plenary on Security. Yellowknife: Northern Research Forum, 2004. P. 46–50.

References

1. Abradova E. S. Politika pamyati kak instrument sohraneniya cennostej v processe formirovaniya novoj nacional'noj identichnosti [Memory Policy as a Tool for Preserving Values in the Process of Forming a new National Identity]. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik [Humanitarian Scientific Bulletin]*. 2021; 2: 100–105. (In Russ.).

2. Alekseeva I. Yu. Upravlenie istoricheskoy pamyat'yu kak transdisciplinarnaya problema [Historical memory management as a transdisciplinary problem]. *Filosofiya nauki i tekhniki [Philosophy of Science and Technology]*. 2019; 24 (2): 82–95. (In Russ.).

3. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identich-

nost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural memory. Writing, memory of the past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, 2004; 368 p. (In Russ.).

4. Achkasov V. A. Rol' «istoricheskoy politiki» v formirovanii rossijskoj identichnosti [The role of «historical politics» in the Formation of Russian Identity]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2015; 18 (2): 181–192. (In Russ.).

5. Bojkov V. E. Istoricheskaya pamyat' v sovremennom rossijskom obshchestve: sostoyanie i problem formirovaniya [Historical Memory in Modern Russian Society: the State and Problems of its Formation]. *Sociologiya vlasti [Sociology of Power]*. 2011; 5: 44–52. (In Russ.).

6. Bushuev V. V. Istoricheskaya politika sovremennyh gosudarstv: problema opredeleniya i metodologiya issledovaniya [Historical Policy of Modern States: the problem of definition and research methodology]. *Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*. 2012; 3: 285–302. (In Russ.).

7. Volkov Yu. G., Dakoro M. A., Sagalava E. S., Talanova K. S. Duhovno-nravstvennyj krizis v Rossii: staticheskie harakteristiki [Spiritual and moral crisis in Russia: static characteristics]. *Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*. 2014; 12: 34–45. (In Russ.).

8. Vorob'eva N. V. Formirovanie grazhdanstvennosti kak obshchekul'turnoj kompetencii v prepodavanii Istorii [Formation of citizenship as a general cultural competence in the teaching of History]. *Innovacionnoe obrazovanie i ekonomika [Innovative education and economics]*. 2015; 19: 12–21. (In Russ.).

9. Gasanov N. N. Konsolidaciya obshchestva — imperativ vremen [Consolidation of society — the imperative of time]. *Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*. 2016; 4: 153–168. (In Russ.).

10. Gorin I. N. Kul'turno-istoricheskie simvoly i istoricheskaya pamyat' [Cultural and historical symbols and historical memory]. *Istoriko-pedagogicheskie chteniya [Historical and pedagogical readings]*. 2007; 11: 114–117. (In Russ.).

11. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Molodezh' v Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovaniy: monografiya [Youth in Russia in the Mirror of Sociology. To the re-

sults of many years of research: monograph]. Moscow, 2020; 688 p. (In Russ.).

12. Dmitrieva O.O. Istoricheskaya pamyat' i mekhanizmy ee formirovaniya: analiz istoriograficheskikh koncepcij [Historical memory and mechanisms of its formation: analysis of historiographical concepts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2015; 6 (361): 132–137. (In Russ.).

13. Dyurkgejm E. Predstavleniya individual'nye i predstavleniya kollektivnye. Sociologiya: ee metod predmet, prednaznachenie. Raboty raznykh let [Individual views and collective views. Sociology: its method, subject, purpose. Works of different years]. Moscow, 1995; 352 p. (In Russ.).

14. Karpova G.G. Gosudarstvennoe upravlenie i obshchestvennye priority v sfere kul'turnoj politiki Rossii [Public administration and public priorities in the sphere of cultural policy of Russia]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of Social Policy Research]. 2009; 7 (1): 7–20. (In Russ.).

15. Kramarenko M.B. Istoricheskaya politika kak instrument vneshnego vozdejstviya na identichnost' [Historical Politics as an instrument of external influence on identity]. *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies]. 2001; 4 (1): 33–42. (In Russ.).

16. Lubskij A.V. Proekty konstruirovaniya nacional'noj identichnosti v sovremennoj Rossii [National Identity Construction Projects in Modern Russia]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2018; 7 (1): 48–64. (In Russ.).

17. Malinova O.Yu. Politicheskoe ispol'zovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoy politiki: evolyuciya diskursa vlastvuyushchej elity v postsovetskoj Rossii [Political Use of the Past as an Instrument of Symbolic Politics: the Evolution of the Discourse of the Ruling Elite in Post-Soviet Russia]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX]. 2012; 8 (4): 179–204. (In Russ.).

18. Marshak A.L. Hudozhestvennaya zhizn' sovremennoj Rossii kak sfera kul'turnoj bezopasnosti sovremennoj Rossii: sociokul'turnyj podhod [The Artistic Life of Modern Russia as a Sphere of Cultural Security of Modern Russia: sociocultural approach]. *Uchenye zapiski Rossijskoj Akademii predprinimatel'stva* [Scientific

notes of the Russian Academy of Entrepreneurship]. 2007; 11: 211–223. (In Russ.).

19. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World Celebration of Memory]. *Neprikosnovennyj zapas* [An inviolable reserve]. 2005; 40-41 (2-3): 66–75. (In Russ.).

20. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi Rostovskoj oblasti: problemy, perspektivy i novye podhod [Patriotic education of the youth of the Rostov region: problems, prospects and new approaches]. Otv. red. Yu. G. Volkov [In Yu. G. Volkov (eds.)]. Rostov-on-Don: Izd-vo MarT, 2013. 159 p. (In Russ.).

21. Rossijskaya naciya: stanovlenie i etnokul'turnoe mnogoobrazie [The Russian Nation: Formation and ethno-cultural diversity]. Otv. red. V.A. Tishkov [In V.A. Tishkov (eds.)]. Moscow, 2011. 461 p. (In Russ.).

22. Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kn. 1 [Russian Society and the Challenges of the Time. Book 1]. M.K. Gorshkov et al.; pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petuhova [In M.K. Gorshkov, V.V. Petuhov (eds.)]; Institut sociologii RAN. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2015. 336 p.

23. Sazonnikova E.V. Kul'turnaya bezopasnost' kak vopros pravovoj politiki: ponyatie i sodержanie [Cultural security as a Legal policy issue: concept and content]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. 2011; 5(11): 184–187. (In Russ.).

24. Sergeev V.V. Formirovanie kul'turnoj bezopasnosti v usloviyah modernizacii rossijskogo obshchestva [Formation of Cultural security in the conditions of Modernization of Russian Society]. Moscow, 2010. 435 p. (In Russ.).

25. Toshchenko Zh. T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat'. Analiz sovremennoy sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state]. *Novaya i novejschaya istoriya* [New and recent history]. 2000; 4: 3–14. (In Russ.).

26. Flier A. Ya. Kul'turnaya politika i ideologiya [Cultural policy and ideology]. *Kul'tura kul'tury* [Culture of culture]. 2018; 4 (20): 3–7. (In Russ.).

27. Hal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical

memory]. *Neprikosnovennyj zapas [An inviolable reserve]*. 2005; 2-3 (40/41): 8–27. (In Russ.).

28. Hyubner K. Naciya: ot zabveniya k vozrozhdeniyu [The Nation: from Oblivion to Rebirth]. Moscow, 2001. 396 p. (In Russ.).

29. Shevchenko O.M., Vagina V.O. Grazhdanskiy patriotizm kak ideya konsolidatsii molodezhi na Yuge Rossii: specifika i trudnosti formirovaniya [Civil Patriotism as an idea of Youth

Consolidation in the South of Russia: Specifics and difficulties of formation]. *Gumanitarij Juga Rossii [Humanitarians of the South of Russia]*. 2017; 6 (3): 300–309. (In Russ.).

30. Forrest S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security // Proceedings of the Third Northern Research Forum. Plenary on Security. Yellowknife: Northern Research Forum, 2004. P. 46–50.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 12.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted on 01.09.2021; approved after reviewing on 12.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воденко Константин Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. Руководитель научно-образовательной школы «Управление социальными процессами в поликультурном регионе». Сфера научных интересов — социально-культурные и социально-экономические институты и процессы в условиях формирования инновационной модели общественного развития. Руководитель многочисленных прикладных социологических исследований.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Konstantin V. Vodenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Head of the scientific and educational school «Management of social processes in a multicultural region». Research interests — socio-cultural and socio-economic institutions and processes in the formation of an innovative model of social development. Head of numerous applied sociological studies.

132 Prosveshcheniya st., Novocherkassk, Russia

Иванченко Ольга Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Olga S. Ivanchenko — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Тихоновскова Мария Петровна — младший научный сотрудник, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maria P. Tikhonovskova — Junior Researcher, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Лабадзе Олеся Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Olesya E. Labadze — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya st., Novochoerkassk, Russia

Вклад авторов:

Воденко К. В. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Иванченко О. С. — разработка инструментария социологического исследования; проведение исследования; обработка результатов.

Тихоновскова М. П. — проведение исследования; обработка результатов.

Лабадзе О. Е. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Vodenko K. V. — scientific guidance; research concept; development of methodology; writing of the source text; final conclusions.

Ivanchenko O.S. — development of tools for sociological research; conducting research; processing results.

Tikhonovskova M. P. — conducting research; processing the results.

Labadze O. E. — revision of the text; final conclusions.